

Мартин Хайдеггер в истории европейского антисемитизма: размышление о книге Донателлы Ди Чезаре «Хайдеггер, евреи и шоа»

И. И. Докучаев

Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8

Для цитирования: *Докучаев И. И.* Мартин Хайдеггер в истории европейского антисемитизма: размышление о книге Донателлы Ди Чезаре «Хайдеггер, евреи и шоа» // *Философия истории философии*. 2021. Т. 2. С. 249–270.
<https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.116>

В статье рассматривается роль антисемитизма Мартина Хайдеггера в его концепции фундаментальной онтологии. Этот анализ делается на основе публикации новых томов его дневников — «Черных тетрадей». Осмыслению этой проблематики посвящена книга Донателлы Ди Чезаре «Хайдеггер, евреи и шоа», впервые переведенная на русский язык А. Е. Черным и опубликованная издательством «Владимир Даль». С учетом новых данных этих дневников и книги Ди Чезаре можно предположить, что антисемитизм Хайдеггера существует для его философии и имеет долгую предысторию в европейском и немецком интеллектуальном наследии. Как правило, евреи обвинялись там в том, что они не приняли Христа и стали ключевыми деятелями модернизации европейской культуры, которая подорвала ее традиции и лишила творческого начала. Хайдеггер создает новую версию антисемитизма — фундаментально-онтологическую, которая обвиняет евреев в том, что они главные виновники забвения бытия и проповедники сущего. Дифференция бытия и сущего — главная антитеза онтологии Хайдеггера, и именно в контексте ее анализа идет речь о преступлении евреев. Это преступление в действительности оказывается фабрикацией, поскольку содержит прямо противоположные обвинения, — не еврей является преступником, поскольку он совершил то или иное деяние, но это деяние делается преступным, поскольку совершил его еврей. Он обвиняется как в отсутствии почвы и собственности, так и в претензии на них, как в формализме и рационализме веры, так и в их отсутствии, как в желании сохранить свою кровь несмешанной, так и в желании обвержить европейские народы. Именно эти свойства заставляют Хайдеггера полагать, что евреи — это не люди, а камни, что они не существуют, а представляют собой худшую форму сущего, бытие которого не подлинно, а заемно и является махинацией. Холокост Хайдеггер рассматривает как кульминацию модернизации, вызванной машинной цивилизацией уничтожения и войны, в которой виновны именно евреи и в которой они производят самоуничтожение и уничтожение Европы и мира. Вместе с тем в статье утверждается, что подобная идеология, неприемлемая и ложная, является маргинальной концепцией Хайдеггера, которая не есть ключ к его онтологии, но и не может быть просто изъята из его

философии без возникновения лакуны, которая делает эту философию невозможной.

Ключевые слова: Хайдеггер, Ди Чезаре, антисемитизм, фундаментальная онтология, евреи, модернизация, европейская культура.

Книга Донателлы Ди Чезаре «Хайдеггер, евреи и шоа» является важной вехой в истории полемики вокруг антисемитизма Хайдеггера [1]. Она подводит многие ее итоги, однако не исчерпывает этот вопрос, поскольку не все «Черные тетради» и другие тексты философа сейчас опубликованы. Но и еще в одном отношении книга оставляет открытой дискуссию об одном из самых выдающихся философов XX в. — композиция книги начинается с утверждений о том, что антисемитизм Хайдеггера является одной из ключевых идей его политической философии, поскольку он связан с наиболее существенными аспектами фундаментальной онтологии. Затем Ди Чезаре подробно обосновывает эту гипотезу и, исчерпав аргументы, завершает свою книгу. Такая композиция, в которой вывод предшествует аргументам, заставляет читателя после прочтения книги еще раз задать вопрос: «Был ли Хайдеггер антисемитом, какого рода этот антисемитизм, и насколько существенно это политическое воззрение для понимания фундаментальной онтологии?» Вместе с тем возникает и ряд вопросов, которые не ставит Ди Чезаре, но которые хочется задать в силу логики самого предмета книги, семантики ее названия. Например, это вопрос о том, насколько следует учитывать историку философии и культуры, признающему безусловные достижения того или иного гения, ошибки и даже преступления этого же самого гения. Является ли подобный вопрос уместным в философском контексте, или его следует обсуждать исключительно в историко-политической плоскости? Насколько может служить оправданием той или иной неприемлемой сегодня позиции идеологический контекст эпохи, в рамках которой создавались соответствующие тексты, и насколько уместен сам вопрос о такого рода оправдании. Наконец, ряд вопросов связан с проблемами, которые вскользь обсуждаются в книге, но для ответа на них требуется отдельное исследование. Например, насколько вообще Хайдеггер различал сфабрикованное сущее, которому присвоен титул «евреи», и конкретных людей еврейской национальности, встречавшихся ему на его личном и профессиональном пути? Исчерпывается ли только темой «еврейства» национализм Хайдеггера? В антисемитизме ли только заключается источник привлекательности для Хайдеггера Национально-социалистической немецкой рабочей партии? И если нет, то что еще заставляло Хайдеггера чувствовать не-

обходимость быть членом этой партии до самого поражения Германии во Второй мировой войне и никогда не осуждать это членство?

Размышление о книге не есть разговор о предпосылках чтения, скорее, оно о том, что можно упустить, читая ее. Вместе с тем размышление-послесловие — не жанр расстановки точек над «и», которую не счел нужным сделать автор книги, но — то пространство, которое в силу его факультативности для чтения может быть заполнено акцентами, с которыми связано бытие книги после того, как она была закончена, и в той культурной среде, в которой она переживает еще одно рождение. Размышление есть отзвук книги, который не обязательно слышать, но вместе с тем полезно сопоставить с собственным читательским впечатлением. Этот отзвук есть попытка воссоздать книгу на основании ее ключевых тем и вопросов, особенно тогда, когда ответы на них могут быть самыми разными. И композиция книги, и нынешнее состояние дел с публикацией сочинений Мартина Хайдеггера, и непрекращающаяся полемика вокруг его антисемитизма — дают право на то, чтобы обсудить ответы на обозначенные выше вопросы. Итак, попробуем поразмышлять на темы возникающих после прочтения книги Ди Чезаре недоумений; беря в расчет принципиальную разницу между ключевыми группами сформулированных выше вопросов, попытаемся понять роль ответов на них в том современном политическом и научном пространстве, которое сформировалось в том числе и благодаря философии Хайдеггера. Вопросы к концепции или книге всегда бывают только трех типов: во-первых, такие, которые возникают из самой сути сказанного, во-вторых, из контекста, в котором существует сказанное, и, в-третьих, из контекста, в котором существует предмет, о котором идет речь. Очевидно, что последняя группа вопросов больше подходит для комментария и предисловия, но на нее нельзя не обратить внимания и тем, кто хочет понять выводы из сказанного, ибо его приходится всегда воссоздавать, а значит, необходимо воссоздать и предмет, о котором идет речь.

Нацизм и антисемитизм

Мартин Хайдеггер был активным членом Национально-социалистической немецкой рабочей партии. Существует много свидетельств его восторженного отношения и к ее идеологии, и к ее лидерам, включая прежде всего фюрера. Это членство было совершенно неслучайным. Оно осознавалось как очень важное даже тогда, когда фашистская Германия потерпела поражение, когда национал-социалистическая идеология была признана неприемлемой и преступной. (Хотя поня-

тие преступления в данном контексте слишком странно соотносится с нормами классического права. Врагов невозможно осудить ни по их собственным законам, согласно которым они и действовали, ни по законам победителей, против которых они и действовали. Поэтому их никогда и не судили, а просто уничтожали, но не в этот раз, т. е. не после победы во Второй мировой войне.) Хайдеггер не признавал себя преступником и отказывался даже от того, чтобы увидеть собственную моральную ответственность за массовую гибель ни в чем не повинных людей. Очевидно, что нацизм был для Хайдеггера политической силой, способной решить те задачи, которые он ставил перед собой как философ и идеолог, перед Германией и Европой и перед человечеством. Это были глобальные задачи — задачи спасения человечества и подлинного человека, восстановления сути культуры и исторического процесса. Какими бы ни оказались неудовлетворительными реальные итоги этой политической стратегии, каким бы разочарованным не представлялся сам Хайдеггер, какие бы различия между духовным и массовым нацизмом он ни делал, главное — отказаться от нацизма — было невозможно именно потому, что вместо нацизма не было ничего, хоть как-то способного выполнить его миссию лучше. А миссия связывалась с двумя ключевыми задачами — негативной и позитивной. Негативная задача заключалась в противостоянии росту цивилизации, ее глобализационным перспективам, а позитивная — в сохранении культуры Германии, ее нации, а вместе с ними и будущего для всего мира, т. е. сохранения европейской культуры, и шире — существа человеческой природы.

Хайдеггер всегда был антимодернистским философом, что означало протест и против роли города в современной культуре, и цивилизации с ее техникой и модой, и все нарастающего забвения связи человека и природы, человека и народа, крови и почвы. Цивилизация ощущалась как уничтожение всего живого и цельного, всего того, что придавало человеку его подлинную природу, его уникальность, свободу, творческую состоятельность и даже разум. Цивилизация — это разобщение и обезличивание, это механическое соединение людей во имя элементарных нужд и благ, это превращение человека в элемент машины, подмена искусства техникой, традиции модой. Такая цивилизация может и должна быть разрушена, и по поводу ее уничтожения не может быть никаких сожалений. Критика цивилизации, сформировавшейся в Новое время, была направлена Хайдеггером против самых разных ее сторон: техники, гуманизма, большевизма, американизма, буржуазии, марксизма, фрейдизма и т. п. Хайдеггер своеобразно противостоял Канту, поскольку понятие Просвещения, сформулированное им, очень хорошо иллюстрирует проблему модерна; ибо совершеннолетие, до-

стигнутое человеческим обществом, т. е. способность поступать в соответствии с собственной решимостью, отказавшись от традиций и авторитетов, есть путь к обезличенной и машиноподобной организации, которой может и должно быть противопоставлено традиционное и несовершеннолетнее общество. С этой критикой сложно не согласиться, ибо утраты, о которых говорит Хайдеггер, действительно велики, а приобретения ничтожны. Но возникает вопрос: а как можно избежать этих утрат? И ответ на него существует только один — никак. История человечества есть движение по пути упрощения и адаптации, это история постоянного совершенствования мира в соответствии с представлением человека о том, какой мир является для него приемлемым. Техника не могла не появиться, ибо она решала проблему выживания и благоустройства человеческой жизни на земле. Даже Хайдеггер понимал неотвратимость модернизации, и только героически не хотел с этим соглашаться, полагая, что борьба и гибель лучше, чем это согласие.

В контексте антимодернизма Хайдеггера и в связи с ним должен быть понят и его национализм. Глобализация угрожает нации и ее культуре, традиции. Хайдеггер утверждает: «Исходя из нашего человеческого опыта и истории, насколько я могу судить, я знаю, что все существенное и великое возникло только из того, что у человека была родина и он был укоренен в традиции» [2, с. 243]. А Германия — это не просто одна из мировых культур, она является наследницей великой античности, носительницей подлинных культурных ценностей, вдохновительницей европейских народов на реформацию христианства; ее народ — это общество сохранивших связь с аристократией прошлого благородных жителей прекраснейшей из земель, это нация философов и поэтов, музыкантов и людей политической воли. Превращение Германии в одну из многочисленных форм современного глобализованного человечества — это трагедия не только Германии, но и всего мира. И именно Германия должна защитить саму себя, поскольку только у нее хватит сил на это, защитить или погибнуть. Эта борьба может стать частью самоуничтожения, а может стать поворотом к национальному возрождению. И пусть это возрождение невозможно, смириться с гибелью еще хуже, чем проиграть войну и погибнуть. Любовь к родине — благородное чувство; сложно представить себе человека, который не испытывал бы его по отношению к родным и близким, к собственному дому и земле, к языку, на котором он говорит, и к культуре, которая сформировала его мир. Даже ненависть к собственной родине есть превращенное чувство любви, есть отчаяние от того, что она не соответствует ей же сформированному идеалу. Понятна не только любовь к родине, но и мессианское чувство, т. е. ощущение призвания собственного народа к вели-

кой цели, преимущества собственного народа по отношению к другим народам в том, чтобы достигнуть этой цели. В Германии острота этого чувства была чрезвычайной, и Хайдеггер — один из самых значимых носителей его. От этого мессианизма и любви до ненависти к другим и чувству превосходства несложно сделать шаг, но от этого шага чаще всего удается воздержаться, ибо без других сложно понять себя самого. Другие всегда есть необходимая граница, обостряющая и превращающая в осмысленное чувство даже любовь к родине.

Однако другие могут играть и еще одну роль в процессе самоидентификации любви к родине. Они могут быть консолидирующим центром борьбы за родину, могут быть врагом родины и угрозой ее существованию. Именно такую роль уготовили евреям немцы, и именно в этом состояло существо немецкого антисемитизма. Антисемитизм стал одним из важнейших аспектов нацизма, хотя и не главным. И говоря об антисемитизме Хайдеггера, следует отдавать себе отчет в том, что это необходимая, но далеко не достаточная для понимания его нацизма идеологема. Ди Чезаре так нигде в своей книге не говорит. В ее работе антисемитизм выходит на первый план, а остальные аспекты нацизма Хайдеггера превращаются в фон его антисемитизма. Эта инверсия не случайна и не может быть объяснена произволом научного интереса. Очевидно, что Холокост становится сегодня важнейшим нацистским преступлением для западноевропейского человека. Остальные преступления не очень интересны, а весь нацизм, его причины и суть — тем более. Чем же это можно объяснить? Только ли масштабом трагедии геноцида евреев, катастрофы, Холокоста, или как сами евреи называют эту трагедию, — шоа? Полагаем, что этот интерес связан с той ролью, которую евреи, а точнее — сфабрикованный немецкой культурой миф о еврее и даже философская категория еврея, играли в немецкой культуре вплоть до начала трагедии. Эта роль играет и сегодня, но уже на иной сцене. Теперь речь идет о покаянии и чувстве вины. Желание забыть о собственной вине тоже становится поводом для обвинений, а желание напомнить о ней — профессиональным делом историков культуры и философии. Конечно, забывать о вине нельзя, хотя бы потому, чтобы не повторить совершенных когда-то преступлений и ошибок.

В личной жизни и карьере Хайдеггера было слишком много евреев, чтобы говорить о его бытовом антисемитизме. И не случайно Ди Чезаре почти обходит стороной и перипетии отношений Хайдеггера с Гуссерлем (за исключением событий, связанных с его смертью), и его общение с Кассирером и Шелером, и даже его роман с Ханной Арендт. Все детали этих взаимоотношений, переписка, история предательств и любви, оказываются неинтересными, потому что они вряд ли отличались бы

от подобного же рода событий, случившихся в жизни Хайдеггера, в которые были вовлечены представители других национальностей. В ряде публикаций Хайдеггеру инкриминируются неприглядные поступки и даже преступления, совершенные им в бытность ректором Фрайбургского университета и позже. Речь идет о доносах, дискриминации с использованием служебного положения. Существует и информация противоположного характера, например об игнорировании Хайдеггером распоряжений нацистов в отношении дискриминации евреев. Эти факты совершенно не обсуждаются в книге Ди Чезаре, и, наверное, это хорошо соответствует тому пониманию антисемитизма Хайдеггера, который она формулирует в своей книге. Ибо его антисемитизм, несмотря на все сходство с такого рода явлениями в Германии того времени, обладал рядом свойств, совершенно исключительных.

Можно утверждать, что Хайдеггер явился автором еще одной формы антисемитизма. Эта форма была концептуальной, а не бытовой, и относилась к существу его философской концепции. Философский, политический и даже (квази)научный антисемитизм — широко распространенные явления не только в Германии. Однако антисемитизм Хайдеггера претендовал на особый статус именно потому, что предложенная им философия была противопоставлена всей европейской метафизической традиции, она идентифицировала себя только с ранними концепциями досократиков и стремилась к тому, чтобы открыть новую перспективу постановки ключевых философских вопросов, связанную с различием сущего и бытия. Антисемитизм стал, таким образом, способом обоснования нового типа философии. Его следует рассматривать именно в контексте претензий фундаментальной онтологии на то, чтобы выступить мировоззренческим фундаментом новой Германии и возрожденной (спасенной) европейской культуры. Именно это свойство антисемитизма Хайдеггера становится главной темой книги Донателлы Ди Чезаре.

Фабрикация категории «еврей» и фундаментальная онтология

Евреи прожили одну из самых длинных историй во всемирной истории человечества. Она насчитывает около четырех тысяч лет. Только египтяне могут поспорить с ними за пальму первенства в историческом долголетии, но их дни давно сочтены. Что же касается китайцев и индусов, то их культура, по-видимому, моложе. Все остальные великие претенденты на ведущую роль в истории жили значительно меньше и давно ассимилированы, будь то ассирийцы и халдеи, греки и персы.

Евреи же продолжают существовать и даже восстановили в XX в. свое государство, на той же территории, на которой существовал древний Израиль, и с тем же центром в Иерусалиме; они даже заново выгучили свой древний омертвевший язык (в этом контексте современная Греция или Персия — жалкое подобие древних подлинников, а современный Египет — просто руины). Всей своей судьбой они доказали, что выживание народа не зависит ни от территории, ни от государства, ни от языка — ибо они жили на разных территориях, в разных государствах, меняли языки. Однако общность культуры, религии и происхождения (крови) сохранялась ими всегда и обеспечила такое успешное долгожительство. Становясь частью культуры страны, которая их принимала, они успешно вносили свою лепту в развитие этой чужой культуры, сохраняя, тем не менее, свою. Попадая под гнет и переживая величайшие гонения со стороны своих новых восприимчивых, они научились выживать в самых ужасных условиях и заниматься с большим успехом теми занятиями, которые считались коренным населением принявших их стран даже позорными и недопустимыми, каковым всегда было ростовщичество в Западной Европе.

Главный вклад евреев в историю культуры Европы заключается, конечно, в создании универсального монотеизма в форме христианства, выросшего из племенного монотеизма (иудаизма). Племенной бог обеспечивал преимущество верящего в него народа над другими народами и защиту от них, не допускал прозелитизма, а затем стал универсальным богом всего человечества, вера в которого уже предполагала массовое обращение других народов. Именно иудейскому богу довелось пережить эту метаморфозу. Но не только христианством обязана Европа евреям. Она обязана им и расцветом банковской системы экономики, обеспечившим необратимость процессу промышленной революции в эпоху Ренессанса, а вместе с этим и возникновение нового типа культуры, называемого креативным и персоналистским, или культурой модерна. Ни тот, ни другой дар не обошелся евреям дешево. Первый был связан с неприятием Христа в самом иудаизме и с его убийством. Второй же был связан с нарушением одного из существенных принципов христианства — принципа нестяжательства. Оба этих обстоятельства обеспечили неизбежность антисемитизма в его европейском изводе. История знает примеры и иного антисемитизма. Он существовал и в Древнем Египте, и в Древнем Риме, существует он и в современном исламском мире. О древних вариантах антисемитизма нет возможности говорить здесь. Современный антисемитизм до некоторой степени похож на европейский. Однако это сходство заключается не в том, что роль иудаизма в возникновении ислама можно сравнить с его ролью

в возникновении христианства (она, безусловно, велика в обоих случаях), а в том, что евреи в арабском мире занимают похожее место на то, которое занимали они в Европе. Они противостоят любой ассимиляции и воспринимаются чужими. Более того, им удалось то, что не удалось в Европе — они создали свое государство на территории, которая уже была заселена другим народом.

Антисемитизм был характерен для всех стран Европы вплоть до Холокоста, в той или иной мере. Достаточно вспомнить ряд ярких фактов, связанных с этим явлением. Например, знаменитое дело Дрейфуса во Франции. В России подобное дело тоже было, и оно называлось по имени Бейлиса. С 1742 г. евреи не могли проживать в России и должны были покинуть ее, если они не приняли христианство. С 1791 г. в России существовала черта оседлости, ограничивавшая проживание евреев южными и юго-западными районами страны. Многие классики русской литературы, гуманисты и интернационалисты, именно по отношению к евреям ограничивали свой гуманизм и интернационализм, достаточно вспомнить здесь красноречивые страницы из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Ряд русских философов, обладавших удивительной чуткостью и глубиной суждения о самых разных вопросах политической и исторической жизни, высказали чудовищно несправедливые суждения и даже создали целые концепции такого рода именно по отношению к евреям. Чего стоит знаменитый труд В. В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», заслуженно претендующий на право быть энциклопедией антисемитизма (по уровню фабрикации антисемитской мифологии он вполне сопоставим с пресловутыми «Протоколами сионских мудрецов» Сергея Нилу-са)? Удивительно, как один и тот же человек — Василий Розанов — мог одновременно быть таким восторженным юдофилом и антисемитом (это напоминает восторг Фридриха Ницше по поводу древних иудеев)! Всю эту картину завершают неприглядные сцены антиеврейских погромов, осуществлявшихся задолго до Холокоста в Германии. Они происходили в Англии, Чехии, Франции, Швейцарии, России. Конечно, Холокост — кульминация антисемитизма, но это только вершина его европейского айсберга.

Чужие — всегда важнейший фактор самоидентификации народа. Враг нужен для того, чтобы объединиться. Если его нет, т. е. нет того, кто угрожал бы существованию народа или его объединению, его нужно придумать, нужно предложить на его роль такое меньшинство, которое не соглашается с консенсусом большинства. Оппозиция «мы и они» — наследие древнейшего мировоззрения, и она никогда не перестанет быть актуальной. Если это произойдет, погибнет не только госу-

дарство и культура, но и народ, который их создал. Евреи для Европы всегда были очень удобным претендентом на роль чужих и врагов. Они убийцы Христа и они же презренные процентчики (ростовщики). Телогический антисемитизм, основанный на этих двух обстоятельствах, подкреплялся антисемитизмом биологическим, ибо евреи не хотели ассимиляции, а следовательно, были вынуждены испытывать презрение от большинства лиц, всегда считающих себя лучше и достойнее меньшинства, хотя бы по праву хозяина и сильного. Пока Европа не стала экономическим раем, мало кто стремился переселиться туда. Кроме того, не было ни одного народа, кроме евреев, который, утратив территорию, сумел бы сохранить свою идентичность. Евреи появились в Европе до начала ее экономического расцвета и во многом способствовали ему, но они же казались и символами всего того, что было связано с этим расцветом, а именно — символами гибели европейских традиций и глобализации европейских народов, символом механизации жизни и вырождения творчества. Холокост стал кульминацией европейской ненависти к чужим. Он стал катастрофой и евреев, и Европы. После подобного ужасающего геноцида, ставшего бессмысленной жертвой, евреи смогли объединиться и добиться того, на что они безуспешно претендовали в течение последних почти двух тысяч лет. Европейские же народы утратили чувство самоидентичности. Евреи стали первыми в череде бесчисленных переселенцев, заполонивших сегодня Европу и ставших такими же чужими, не желающими ассимиляции. Эти новые чужие уже не вызывают той ненависти, которую вызывали евреи, они спокойно добиваются того, за что преследовали и убивали европейских евреев на протяжении всей истории Средневековья и модерна. И это, безусловно, очень и очень хорошо, но это катастрофа нашего времени, которую почти никто не замечает и даже считает неизбежной и приемлемой.

Никогда и ничем евреи не заслужили Холокоста, никогда и нигде невозможно оправдать геноцид, но никакой геноцид не возникает на пустом месте. Он всегда происходит случайно, т. е. его могло бы и не быть, но у него есть причины. Ключевой из таких причин является национальное мировоззрение, или политическая идеология. Идеология же, в свою очередь, всегда связана с философией, она не существует без фундаментальных интеллектуальных построений, на которых зиждется. Одна из ключевых тем книги Ди Чезаре представляет собой анализ важнейшей составляющей предыстории Холокоста — становления антисемитизма в немецкой философии. В качестве основных источников берутся концепции Лютера, Канта, Гегеля и Ницше. Их выбор обусловлен интересом к Мартину Хайдеггеру, однако влияние этих фигур на не-

мецкую философию простирается далеко за пределы хайдеггеровской концепции. К числу видных антисемитов Германии первой половины XX в. можно отнести и Готлоба Фреге, и Макса Вебера, и Карла Шмитта, и Эрнста Юнгера, и очень многих других. Все они были читателями Лютера, Канта, Гегеля, Ницше. Не стоит забывать и об антисемитизме других важнейших гениев немецкой философии, таких как Шопенгауэр или Фихте, которые оказали на самосознание немцев не меньшее влияние, чем те авторы, которым посчастливилось стать героями книги Ди Чезаре. Следует помнить также и о том, что тема великой Германии не исчерпывается антисемитизмом: тоска по величию, стремление к прекрасному идеалу, ощущение недостойности существования немцев по сравнению с их миссией, чувство ресентимента, характерное после поражения в Первой мировой войне, — всё это привело к росту националистических настроений и в философии, и в социально-гуманитарных науках. Ключевым идеологическим фоном этого национализма было общество «Тайная Германия», состоявшее из интеллектуалов, филологов, историков, философов и литераторов, объединившихся вокруг поэта Стефана Георге. Интересно, что многие из этих немецких националистов были евреями. Именно на этом фоне и формировалась фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера. Именно в этом контексте и следует объяснять его антисемитизм. Позволим себе заметить, что объяснение истоков хайдеггеровского антисемитизма, понимание расхожести подобных взглядов в рассматриваемую эпоху, наличие их во взглядах крупнейших мыслителей и художников, ни в коей мере не является оправданием такого рода концепций. Однако это обстоятельство не может быть не учтено, если мы хотим сделать выводы о роли антисемитизма в концепции того или иного автора, понять — не значит согласиться, понять — значит учесть всё, что можно и нужно учесть для понимания.

И всё же, что мы узнали о евреях от столь почтенных философов? Фактически ничего нового по сравнению с тем, что было известно о гяурах, варягах, гайдзинах, гоиях, гаджо и тому подобных чужих. Всякого чужого упрекнул в том, что он ест не из своей тарелки, что он ворует и обманывает, что он не имеет собственного дома и вынужден проситься на ночлег, что он не имеет собственной земли и надеется отобрать ее у хозяина. Если ты чужой, тебя могут обвинить в чем угодно. Что бы ты ни делал, одно или прямо противоположное, — тебя обвинят и за то, и за другое. Это называется фабрикацией преступлений. Быть чужим — это всегда преступление, поэтому быть евреем в довоенной Европе — тоже преступление. В связи с этим фабрикация еврея как преступления приобретает самый разнообразный характер. Каждый из участников

фабрикации не может и не должен искать какие-либо специфические свойства преступления быть евреем, он наоборот, связывая то или иное действие с евреем, превращает его в преступление. Еврей не имеет почвы — это преступление, ибо не иметь почвы можно только тогда, когда у тебя нет никакой культуры и морали. Еврей хочет прав на почву — это тоже преступление, потому что он хочет отобрать ее у хозяина. А далее — только оттенки антисемитизма. Мартин Лютер традиционно обвиняет евреев в распятии Христа, а попутно — во всех приписываемых им мифами кровожадных преступлениях: убийствах младенцев, невинных христиан, отравлении колодцев и т. п. Он добавляет к этой мифологии претензию евреям в том, что они своей герменевтикой Священного Писания убивают его дух и перевирают содержание. Это обвинение связывает и евреев, и католиков, поскольку ценность Священного Писания в равной мере была поставлена под сомнение и теми, и другими, признававшими Священное Предание достойным веры и поклонения. В итоге Лютер предлагает сжечь синагоги и еврейские писания. В свою очередь, Кант предлагает устроить эвтаназию евреям. Он определяет иудаизм как религию бессмысленной и мертвой формы, которая в силу своего формализма не может быть моральной. Нормы иудаизма не считаются ни со здравым смыслом, ни с политической целью. Они пусты, тогда как подлинная мораль всегда наполнена рациональностью и чувством. Такая пустота не имеет никакого отношения к религии и Богу, поэтому иудаизм атеистичен. Аморализм же есть ложь и преступление. Аморальные люди должны быть удалены из здорового немецкого и европейского общества. Эвтаназия евреям — не есть их прямое уничтожение, это всего лишь безболезненная смерть иудаизма, которая возможна в случае принятия евреями христианства. Но ведь можно было бы заранее предполагать, что евреи скорее умрут, чем откажутся от своей веры. Фабрикация еврея как врага и чужого у Лютера и Канта удивительным образом противоречат друг другу и дополняют друг друга. Первый ругает их за излишнюю рационализацию Священного Писания, второй — за иррациональный формализм. Безусловно, образ фаталиста может быть и героизирован, как вполне заслуживает похвалы и образ богослова, стремящегося разобраться в существовании своего мифа, но если нужно сфабриковать миф о чужом и о вражеском, именно нигилизм становится основным методом работы.

Гегель формулирует еще одну сторону фабрикации еврея: это его нищета (бессобственность) и рабство. Вся история евреям — история подчинения своему богу и история пресмыкательства у других народов. У них никогда не было собственности, а следовательно, свободы и прав. Еврей мог выбрать путь спасения, но выбрал путь гибели и презрения.

Свобода — важнейший фактор исторического движения, и его цель — полностью противопоказана евреям. Совершенно очевидно, что отсутствие собственности есть важнейший фактор свободы, но Гегель не замечает его. Этот фактор играет ключевую роль и в судьбе христианина, которому предложено раздать собственность и идти за Богом, но иудею отказано в позитивной оценке этого порыва веры. Если же еврей и приобретает собственность, то, конечно, незаконно, он крадет ее у других, он претендует на чужое место. И здесь в параллель Гегелю прекрасно выступает Гитлер. То, что Гегелю казалось положительной стороной, которой лишены евреи, Гитлеру кажется отрицательной стороной именно евреев. Евреи — ростовщики и капиталисты, пытающиеся обратить в рабство Германию. Они все состоят в заговоре и образуют тайную организацию, претендующую на власть и в отдельной взятой стране, и в мире. В их жилах течет кровь лжецов, которой они в процессе ассимиляции заражают здоровых немцев. То, что раньше казалось преступлением Лютеру или Канту, а именно отказ от ассимиляции, теперь дополняется обвинением в противоположном деянии, но оттого не менее преступном — евреев обвиняют в стремлении ассимилировать других, ведь это не просто желание стать немцем или французом, это желание объевреить немца или француза. То, за что Гитлер любил немцев, а именно — за несгибаемую волю к жизни и власти, стало еще одним поводом для обвинения евреев в этом же самом, но уже как в преступлении.

Апофеозом этой фабрикации выступает концепция антихристианства Фридриха Ницше, который рассматривает иудаизм как религию, породившую христианство. Если Лютер обвиняет евреев в том, что они убили Христа, то Ницше обвиняет их в том, что они его породили. Христос, так же как и Сократ, и даже Шопенгауэр — символы вырождения, рассудочного убийства жизни и воли. Европа, поклоняющаяся трем евреям, Христу, апостолу Павлу и матери Христа Марии, проиграла борьбу за собственную судьбу и жизнь. Она утратила собственных богов и собственную веру. Она стала жить заемной жизнью, которая характерна именно для евреев. Борьба с евреями есть борьба с христианством во имя подлинной Германии и Европы, эвтаназия должна произойти и с иудаизмом, и с христианством, и с евреями, и с христианами. Антисемитизм XX в. мало что добавляет к этим идеям. Карл Шмитт в своем понятии политического как консолидации народа просто возвращается к древнейшему архетипу «мы и они», актуализируя его на новом материале, в котором роль чужих и врагов, т.е. евреев, совершенно определена и понятна (есть враги временные, вроде русских или американцев, а есть вечные, и это только евреи). Эрнст Юнгер в своем

антисемитизме ближе всего к Хайдеггеру именно в силу его антимо-дернистских настроений. Евреи обвинялись как враги традиций, почвы и крови, как проводники цивилизации и либерализма, как люди, лишённые творческого начала и способные только к механическому труду. На языке фундаментальной онтологии это звучит тоже весьма и весьма убедительно, даже несмотря на то, что этот язык претендует на полный отказ от суждений молвы.

Из книги Ди Чезаре со всей очевидностью следует, что антисемитизм Мартина Хайдеггера и вся его философия, включая учение о бытии и Дазайн, критику метафизики и герменевтику, связаны самым тесным образом. На наш взгляд, этот вывод сомнителен, хотя бы потому, что ключевые тексты Хайдеггера не содержат никаких прямых намеков на антисемитизм. Эти намеки стали вычитывать из опубликованных ранее важнейших текстов, например из «Бытия и времени», только после того как в свет вышли первые тома «Чёрных тетрадей». Если бы «Чёрные тетради» остались неопубликованными или их рукопись погибла бы в результате, например, стихийного бедствия, возможность высказываний и выводов, подобных тем, что мы встречаем в книге Ди Чезаре, представлялась бы намного более ограниченной. Важнейшие работы Мартина Хайдеггера понятны и представляют огромную ценность для всех философов мира вне зависимости от того, что мы узнали или ещё узнаем из «Чёрных тетрадей». Вместе с тем уже невозможно отрицать и существенную связь между его онтологией и национал-социалистической идеологией. Эту связь следует трактовать не как ключ к онтологии, а скорее наоборот — онтологию как ключ к идеологии. То есть антисемитизм и нацизм Хайдеггера — это компоненты его целостной философской концепции, в которой одно зависит от другого, а именно периферия от центра, — идеология от онтологии. Также нет никаких оснований полагать, что национал-социалистическая идеология есть какое-то неизбежное следствие онтологии Хайдеггера. Она настолько же случайна, насколько и неотторжима от нее, ибо всякая подлинная философия не живет разрозненными и бессвязными утверждениями, она прорастает из базовой интуиции, в свете которой решаются все ключевые проблемы, стоящие перед философом как представителем вечности во времени.

Такой интуицией Хайдеггера, сердцем его философии был вопрос о бытии. В поисках истоков этого вопроса, понимания его роли в философии и истории, его забвения и возрождения Хайдеггер прошел путь от теологической дифференции сущности и существования к феноменологической редукции, и от нее — уже к своему фундаментальному различию бытия и сущего. На протяжении более чем ста томов своих

текстов Хайдеггер с неистощимым упорством и изобретательностью стремился убедить своих читателей, что ему удалось заново открыть подлинный предмет философии — бытие. Вся философия, за исключением досократиков и отчасти средневековых схоластов, которые подменили вопрос о бытии вопросом о Боге, была в плену у вопроса о сущем (т.е. была «метафизикой», которую предлагалось завершить и преодолеть), и только Хайдеггеру удалось оставить этот вопрос, чтобы увидеть мир в истинном свете, заставить его в самом существенном измерении, подглядеть непотаенный просвет, из которого заново можно пережить всё, что случилось и с философией, и с человечеством на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, и открыть подлинную перспективу дальнейшего движения. Вопрос о бытии, поставленный досократиками, не получил у них ответа, или ответ этот был утрачен. Классическая греческая философия отвечала на него в терминах сущего. Аристотель, например, просто указывал на комплекс из четырех причин, или условий бытия, выполнение которых гарантировало бы сущему его бытие. Именно в терминах гарантии и причины этот вопрос вновь был сформулирован в средние века схоластами, радикально разводящими бытие, или такое сущее, сущность которого и есть бытие, и всякое остальное сущее, существующее благодаря бытию (богу). В Новое время благодаря Декарту стало очевидно, что бытие есть результат установления несомненности существования сущего, и такая несомненность была установлена только по отношению к мышлению. И именно мышление стало ключевым предметом философствования у таких важнейших авторов, как Кант (мышление как универсальные характеристики сущего), Фихте (субъективный дух как абсолютное мышление, или бытие), Шеллинг (субъективные и объективные стратегии абсолютного мышления, которые он пытался согласовать то в форме абсолютного разумного тождества, то в форме мифологического и религиозного откровения) и Гегель (мышление как абсолютный дух, или бытие, стремящееся к самопознанию). Квинтэссенция традиции отождествления мышления и бытия — это феноменология Гуссерля, которая оказала огромное влияние на Хайдеггера и которой он, прежде всего, и противопоставлял свой проект фундаментальной онтологии.

Эдмунд Гуссерль предпринял самый титанический поход в сферу мышления за всю историю философии. Он посвятил наблюдению за мышлением как способом бытия сущего, наверное, столько же текста, сколько Хайдеггер вопросу о бытии. К сожалению, не все тексты Гуссерля сохранились, и поэтому он проиграл в объеме своему отказавшемуся от учителя ученику. В итоге этого похода оказалось, что мышление плохо поддается анализу именно в силу того, что оно прозрачно и может

быть определено только в терминах мыслимого, то есть сущего. Исходный посыл феноменологии, выраженный призывом «К самим вещам!», завершился констатацией обнаружения вместо вещей мышления о них, а анализ мышления, в свою очередь, — констатацией того, что само по себе мышление не обладает никаким содержанием, оно — лишь пассивно или активно конституируемая (т. е. одновременно и конструируемая, и констатируемая) структура того сущего, которое мыслится. Мартина Хайдеггера не испугала эта скудность результата обширной работы Гуссерля. Он объяснял ее не столько невозможностью осмысленного разговора о содержании мышления, сколько гипертрофией этого разговора, подменой бытия мышлением. Он видел в феноменологии еще одну философию о видах сущего, но не о бытии. Само понимание бытия как мышления рассматривалось им как неоправданная и бессмысленная редукция. Бытие следовало восстановить в своих правах. И тогда можно было бы говорить и о мышлении как форме бытия или его характеристике. Однако проект этот, начатый первой частью «Бытия и времени», так и остался проектом. Он оказался гораздо менее фундаментальным, чем трансцендентальная феноменология. Забвению подверглась вся традиция поиска очевидности, начатая Декартом и Кантом и завершенная Гуссерлем. Открытие бытия, совершенное Хайдеггером, очень напоминает процедуру контрабанды нелегального товара, которым в данном случае выступили основания философствования, когда очевидная для философа интуиция служит без всяких обоснований фундаментом для дальнейшего разговора. Но и этот разговор продолжается совершенно произвольно, в ходе разработки понятия бытия в него влетаются то сюжеты, связанные со смертью, то — с языком, то — с пониманием, то — с заботой, то — со временем. Хаотичность такой работы ловко маскируется сложными и стилистически близкими к поэтической речи тезисами и квазиэтимологиями. Нет никаких оснований полагать, что после прочтения этого и других текстов Хайдеггера будет создан какой-то особый философский язык разговора о бытии, ибо вопрос о том, насколько оно тематизируемо, скорее всего, имеет отрицательный ответ, такой же, как и вопрос о том, насколько тематизируемо мышление в терминах бытия. Однако отрицательный результат — есть не менее ценный результат, чем положительный, и вряд ли Гуссерля или Хайдеггера стоит обвинять в их неудачах, но нужно понимать, что нет никаких поводов для оболъщения как трансцендентальной феноменологией, так и фундаментальной онтологией, причем последней — особенно.

В свете сказанного следует рассмотреть и все, что стало известно об антисемитизме Хайдеггера благодаря публикации его «Черных тетрадей». Ди Чезаре внимательно прочитала эти тексты и тщательно выбра-

ла всё из них, что касается темы евреев и антисемитизма (у Хайдеггера, судя по всему, это всегда одна и та же тема). Концептуальное единство этих высказываний обеспечивается, с одной стороны, принципами фундаментальной онтологии, а с другой — уже хорошо известной и зарекомендовавшей себя фабрикацией врага и чужого. Нет смысла повторять содержание прочитанной книги. Ди Чезаре отличается удивительным мастерством просто и глубоко сказать о самых сложных и тонких местах философии и Хайдеггера, и других своих героев. Она оказывается способной избегать крайностей обвинения и оправдания, показывая пример того, как можно и нужно обходиться с историей культуры, т. е. как быть осторожным и как вместо суда провести гораздо более достойный человека процесс — анализ и понимание. Это можно назвать образцом решения проблемы памяти, о которой пойдет речь в последней части моей работы. А пока можно сформулировать краткое резюме того, что является содержанием антисемитизма Мартина Хайдеггера. Ди Чезаре называет его антисемитизм метафизическим, но с учетом того, что сам Хайдеггер говорит о преодолении метафизики, мне кажется, что лучше было бы назвать его фундаментально-онтологическим. Именно в контексте критики метафизики, критики забвения бытия и вовлеченности в сущее фабрикуется Хайдеггером категория еврея, противопоставленная идеализированным категориям немца и грека.

Еврей в силу его внеисторического бытия, оторванности от почвы и государства, заемности и кражи собственности, лишен подлинного и представляет собой воплощение лжи и махинации (делячества, которое незаконным образом направлено на присвоение чужого и на разрушение того, что не удается присвоить в силу собственного ничтожества или противодействия мешающих хозяев). Еврей целиком и полностью живет в мире вещей, в мире сущего, его бытие, его действия абсолютно иллюзорны и ложны. Он — само олицетворение забвения бытия и вовлеченности в сущее, и он является самой низшей формой этого сущего, совсем не человеком, не вот-бытием (*Dasein*), и даже не чувствующим и инстинктивно обусловленным животным, а таким сущим, который сродни неорганической природе, камнем, не имеющему ничего от активности, от источника бытия; всё, что с ним случается, оказывается заимствовано от бытия других сущих. Еврей — воплощение врага бытия, кульминация развития его ложного антагониста — махинации. Еврей — своего рода источник иллюзий, ложного бытия, которое извращено и представлено в этой извращенной форме в истории европейской метафизики. Еврей — это, конечно, не религиозная, не культурная и совершенно не этническая (биологическая) категория, это категория онтологии. А то, что по какой-то странной случайности так могли на-

зывать конкретных людей и за это определение массово уничтожать и преследовать, — какое это имеет значение в контексте разговора о бытии, а особенно в контексте разговора о трагедии, постигшей нацию протагонистов бытия, немцев, в том числе и конкретных лиц, пострадавших в результате Второй мировой войны? Хайдеггер различает расу и ранг, он понимает, что нет никаких оснований отнести человека по точно установленным признакам к той или иной расе, но он разрешает эту проблему, устанавливая табель о рангах, в которой низшее место отводится еврею, и прощает тех, кто руководствуется принципами «смутного биологизма» (так Хайдеггер определяет вульгарный национал-социализм), относя конкретных евреев к низшему рангу сущего.

Одним из ключевых, если не решающим для понимания антисемитизма Хайдеггера, понятий является его категория самоуничтожения. С ее помощью Хайдеггер объясняет Холокост. Катастрофа, случившаяся с евреями, это результат их же деятельности, причем вместе с собой они вовлекли в катастрофу самоуничтожения и другие народы Европы. Дух небытия, метафизический источник мирового «еврейства», модернизационный, омассовляющий и бездушный постав техники вызвал к жизни всю ту машинерию смерти и войны, которая не могла не привести к гибели многих ни в чем не повинных людей. В связи с этим Хайдеггер позволяет себе не видеть никакой разницы между геноцидом евреев и гибелью других народов во Второй мировой войне, не видеть разницы между истинными виновниками войны — немцами, и остальными ее участниками. В духе фабрикации еврея Хайдеггер одновременно и приветствует войну, называя ее путем к освобождению от забвения бытия, и обвиняет евреев в развязывании собственной и мировой бойни. А после победы союзников над Германией не чувствует никакой вины перед евреями, скорбит только о немцах, и даже говорит о том, что победителями в этой войне стали именно евреи — те, кто противостоял бытию во имя сущего, жизни во имя машины, народу во имя массы. Он называет союзников предателями немцев и объевреившимися народами. К этому сложно что-нибудь добавить. И приходится только ответить на вопрос: что же со всем этим делать тем, кто не может отказаться от того удивительного философского наследия, которое оставил нам Мартин Хайдеггер помимо своего антисемитизма?

Память о Хайдеггере

Подведем итог всему этому рассуждению и рассмотрим только вторую группу вопросов, ибо получив некоторые ответы на вопросы о том, что следует знать об антисемитизме Хайдеггера, прежде чем чи-

тать книгу Ди Чезаре, затем на вопросы о том, каковы основные свойства антисемитизма Хайдеггера, выделенные в книге Ди Чезаре, необходимо все-таки ответить и на вопрос о том, что нам делать с этим антисемитизмом Мартина Хайдеггера. Эти оставшиеся вопросы имеют устойчивую тенденцию порождать ответы преимущественно двух типов, так сказать, *pro et contra*. Часть авторов утверждает, что Хайдеггер — это только фашист, книги которого следует изъять из библиотек, все и без исключения. Другие считают, что он должен быть адаптирован для чтения, т. е. купирован; и все антисемитские пассажи, а также тексты, которые в содержательном смысле оказываются близки антисемитизму и нацизму, необходимо изъять, а все остальное сохранить. Автору представляется, что и та, и другая точка зрения мало отличаются друг от друга. Все они вписываются в формирующийся нынче контекст движения за отмену культуры (*cancel culture*), допускающий самые широкие обобщения, т. е. чистки, вплоть до отмены целых отраслей научного знания (например, классической филологии) из-за их нетолерантности, колониальной сущности, расизма, сексизма и т. п. Еще раз подчеркнем, из философской системы нельзя изъять какие-либо части, не утратив постижения ее целого, хотя центральные интуиции могут быть понятны и без отдельных периферийных элементов. Изъятие же центральных интуиций приведет к полному непониманию концепции. Точно так же можно сказать о том, что, если изъять какую-либо существенную фактуру из истории процесса, например Хайдеггера из истории философии, потеряется представление об этом процессе в целом. То есть истории философии не будет. Позволю себе радикальное высказывание: изъятие Хайдеггера из истории философии есть *cancel philosophy*, и необходимо всеми силами этому противодействовать, ибо без философии нет ни культуры, ни человека. Если сегодня запретить Аристотеля и Платона за их апологию рабства, завтра мы забудем, как писать и читать. Ди Чезаре дает очень хороший пример действий с той или иной исторической фигурой и ее идеями в ситуации ее абсолютной неприемлемости, это тот самый третий путь, который избегает купюр и отмен. Это единственно возможный путь — путь понимания. Взгляды, какими бы они ни были, не могут запрещаться, тем более, не должны запрещаться книги. И то, и другое следует изучать и помнить, ибо в противном случае мы утратим нашу культуру, а эти взгляды и концепции вернутся в новом издании. Запрещать и преследовать следует только за действия. Исключением из этого правила могут быть только слова, которые невозможно отличить от действий, такие как, например, клевета или призыв к беззаконию. Но и в этом случае судить нужно не преступника, а преступление, т. е. оценивать конкретные последствия

конкретного акта. Все же остальное следует прежде всего понять, а затем уже признать неприемлемым и сделать так, чтобы подобного рода взгляды не нашли себе поклонников в силу их новизны или неисследованности.

Исторический контекст того или иного зверства не может являться оправданием этого зверства, и мы вполне имеем право судить людей за их ошибки и злодеяния, которые в свое время считались добродетелями или истиной, а нынче оказались за гранью приемлемого. Только при этом не стоит забывать, чем мы обязаны этим людям сегодня, стоит уважать их за эти достижения и увековечивать их память. Помнить следует обо всем, осуждать следует неприемлемое, уважать следует за то, без чего немислимо то основание, с которого мы сегодня оказываемся способны на суждения о добре и зле. Может быть, именно в этом заключается урок, который преподал нам Мартин Хайдеггер, завещавший публикацию своих «Черных тетрадей» через много лет после своей смерти? Может быть, он действительно прав и у великих людей ошибки тоже оказываются великими? Может быть, только через 400 лет после смерти Хайдеггера вопрос о его философской судьбе может получить окончательный ответ. Пожалуй, об этих вопросах тоже следует задуматься. Ошибка становится великой не потому, что она не могла не быть сделана в тот или иной период времени, а потому, что она должна научить других, как не повторять ее. А 400 лет совершенно необязательно ждать, чтобы сделать правильный вывод о величии или ничтожестве той или иной концепции или человека. Через 400 лет можно и вообще утратить предмет оценки, если уже сегодня не попытаться отстоять право на философию и культуру, какими бы неприемлемыми или отвратительными они ни казались.

Литература

1. Чезаре Ди, Д. (2021), *Хайдеггер и евреи, По страницам «Черных тетрадей»*, СПб.: Владимир Даль.
2. Беседа сотрудников журнала «Шпигель» Р. Аугштайна и Г. Вольфа с Марином Хайдеггером 23 сентября 1966 г. (1991), в: *Философия Мартина Хайдеггера и современность*, М.: Наука, 1991, с. 233–250.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2021 г.;
рекомендована к печати 23 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Докучаев Илья Игоревич — д-р филос. наук, проф.; Иlya_dokuchaev@mail.ru

Martin Heidegger in the history of the European anti-Semitism. Reflection on the book of Donatella Di Cesare “Heidegger, Jews and Shoa”

I. I. Dokuchayev

Far Eastern Federal University,
8, ul. Sukhanova, Vladivostok, 690950, Russian Federation

For citation: Dokuchayev I. I. Martin Heidegger in the history of the European anti-Semitism. Reflection on the book of Donatella Di Cesare “Heidegger, Jews and Shoa”. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 249–270. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.116> (In Russian)

The article deals with the role of Martin Heidegger’s anti-Semitism in his concept of fundamental ontology. This analysis is done on the basis of the publication of new volumes of his diaries — “Black Notebooks”. The book by Donatella Di Cesare “Heidegger, Jews and Shoah”, first translated into Russian by AE Cherny and published by the publishing house “Vladimir Dal”, is devoted to the comprehension of this problem. Given the new data from these diaries and from Di Cesare’s book, it can be assumed that Heidegger’s anti-Semitism is essential to his philosophy and has a long history in European and German intellectual heritage. As a rule, Jews were accused there that they did not accept Christ and became key figures in the modernization of European culture, which undermined its traditions and deprived of creativity. Heidegger creates a new version of anti-Semitism — a fundamental ontological one, which accuses Jews of being the main culprits of the oblivion of existence and preachers of existence. Differentiation of being and being is the main antithesis of Heidegger’s ontology, and it is in the context of its analysis that we are talking about the crime of the Jews. This crime actually turns out to be fabrication, since it contains directly opposite charges, so that a Jew is not a criminal because he has committed this or that act, but this act is made criminal because a Jew has committed it. He is accused both of the absence of soil and property, and of the claim to them, both in the formalism and rationalism of faith, and in their absence, both in the desire to keep his blood unmixed, and in the desire to bring the European peoples into a Jew. It is these properties that make Heidegger believe that Jews are not people, but stones, that they do not exist, but represent the worst form of existence, whose existence is not genuine, but borrowed and is a fraud. Heidegger sees the Holocaust as the culmination of modernization caused by a machine civilization of destruction and war, in which the Jews are guilty and for which they self-destruct and destroy Europe and the world. At the same time, the article argues that such an ideology, unacceptable and false, is Heidegger’s marginal concept, which is not the key to his ontology, but also cannot be simply removed from his philosophy without the emergence of a gap that will make this philosophy impossible.

Keywords: Heidegger, Di Cesare, anti-Semitism, fundamental ontology, Jews, modernization, European culture.

References

1. Chezare, Di D. (2021), *Heidegger and the Jews, Through the pages of “Black Notebooks”*, St Petersburg: Vladimir Dal’ Publ. (In Russian)

2. Conversation of the staff of the magazine “Der Spiegel” R. Augstein and G. Wolf with Martin Heidegger September 23, 1966 (1991), in: *Philosophy of Martin Heidegger and the present*, Moscow: Nauka Publ., pp. 233–250. (In Russian)

Received: November 11, 2021

Accepted: November 23, 2021

Author’s information:

Ilya I. Dokuchayev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; Ilya_dokuchaev@mail.ru